

Откуда есть пошли «традиционные ценности»

[Ольга Солодовникова](#)

Исследовательский проект, инициированный Университетом Инсбрука, более пяти лет изучал консервативные силы в разных странах и пришёл к выводу об их большом сходстве. Православные традиционалисты из РПЦ во многом повторяют риторику американских протестантов. О заокеанских корнях «традиционных семейных ценностей», популяризируемых современной РПЦ, «Столу» рассказал один из участников исследования, религиовед и философ Дмитрий Узланер (МВШСЭН).

– В России существует привычная оппозиция: есть космополиты-либералы, а есть наши консерваторы-почвенники, которые выступают за традиционные ценности. Ваша работа опровергает этот тезис, указывая на общую «транснациональность»?

Дмитрий Узланер. Фото: личная страница на facebook.com

– Мой тезис очень прост: защита «традиционных семейных ценностей» и в целом моральный консерватизм, проникшие уже в новую российскую конституцию, не уникальное российское явление, представляющее собой выражение какой-то особой идентичности, «русского пути». Это транснациональная глобальная идеология, наиболее влиятельная и культурно доминирующая форма которой возникла в США во второй половине XX века в контексте так называемых «культурных войн». Изначально это мировоззрение американских христианских правых – преимущественно консервативных протестантских групп. С конца 1980-х оно становится глобальным в контексте процесса глобализации культурных войн. Российские «традиционные ценности» – лишь локальное преломление этого общемирового феномена, его русификация, глокализация с учётом нужд отечественных пользователей. Социальный консерватизм – как и противостоящий ему социальный прогрессизм – это такая же транснациональная

идеология, отношение которой к «национальной культурно-религиозной идентичности» далеко не так однозначно. Различие этих двух транснациональных идеологий в том, что социальный консерватизм – в отличие от прогрессизма – зачастую маскирует себя под антиколониальную и антизападническую (антиамериканскую) риторику. Никакое понимание «традиционных ценностей» невозможно без учёта этого транснационального контекста.

Современные культурные конфликты (о месте женщины, о правах ЛГБТ, о понимании семьи, о праве на аборт, о месте религии в публичном пространстве и т.д.), позицией в которых и является консерватизм традиционных ценностей, – это не конфликты старого и нового, это конфликты двух новых реакций на новые вызовы времени. Та позиция, которая апеллирует к традиции, вынуждена постоянно эту традицию изобретать, так как в самой исторической традиции зачастую просто нет опыта, к которому можно было бы однозначно апеллировать. Общества прошлого никогда с подобными вызовами не сталкивались, и любая апелляция к традиции становится её креативной интерпретацией, продиктованной не столько логикой самой традиции, сколько логикой сегодняшнего дня.

– Разве православные ценности не являются по умолчанию «традиционными», нашими? Православные семейные клубы, молодёжная работа, направленная на создание крепкой семьи, и т.д. – всё это кажется внутрироссийской повесткой.

– Это действительно внутрироссийская повестка, но так ли она связана с традиционным православием? Наверное, это прозвучит несколько шокирующе, но православие трудно назвать религией семейных ценностей и в целом какой-то особой заботы о мирской жизни. Это прежде всего монашеская, аскетическая традиция.

Высший идеал православия – это монах или монахиня, то есть люди, признавшие семейные ценности не самыми важными в своей жизни. Покажите хотя бы одного святого, который стал святым только потому, что был хорошим семьянином, а что, если не святцы, выражает православный идеал? Да, были подвижники РПЦ, которые имели жён, мужей и семьи, но в памяти церкви они остались не поэтому. Зато, например, для протестантов, а тем более мормонов, не знающих монашества, семья – действительно, путь высшей праведности. Можно вспомнить классическую лютеранскую идею: что я должен сделать, чтобы прожить хорошую жизнь? Должен быть хорошим отцом, прихожанином, гражданином и работником. Православие действовало в другой логике: оно развивало в первую очередь аскетическую традицию, идею того или иного «ухода от мира» с его ценностями. Попытки переписать православие с точки зрения современных семейных ценностей порождают парадоксы вроде святых Петра и Февронии – бездетной пары, пережившей серию конфликтов, но почему-то ставшей символом предлагаемой молодёжи в качестве образца «традиционной семьи».

Традиционное православие трудно увязать с таким христианством «кукурузных хлопьев» – я имею в виду этот стереотипный образ счастливой семьи из рекламы, где белозубые мама, папа и дети весело смеются и поедают за завтраком хлопья с молоком.

– А что насчёт социальной проблематики в целом?

– Православная традиция никогда не имела особой системной позиции по социальным вопросам: никогда не имела того, что принято называть социальной этикой. Опять же, в отличие от представителей других христианских конфессий. Это связано и с общим пренебрежением к мирскому с его проблемами, о чём я говорил выше, и с особенностями исторического развития православия: социальными вопросами всегда занималось

государство, давая церкви возможность не сильно рефлексировать об этой сфере жизни. Ситуация начинает меняться только в 1990-е годы, кульминацией чего становится появление «Основ социальной концепции Русской православной церкви» 2000 года, а также целый ряд дальнейших документов.

– Вы полагаете, что в нашей традиционалистской повестке всё заимствовано, ничего своего?

– Что-то своё всегда есть: консервативная идеология транснациональна, но она принимает оригинальные гибридные формы в каждой конкретной стране. В России, например, мы видим необычную смесь транснационального, советского и постсоветского, которая формирует риторику традиции и почему-то выдаётся за исконно русское. Что-то от американских консервативных христиан, что-то от католиков, что-то от позднесоветского консервативного этоса, что-то от неприязни к «лихим 90-м», что-то от православия. Этот в чём-то креативный гибрид даже оказывается востребованным на Западе. Когда я беседовал с американскими консерваторами, например, многие из них признавались, что Россия для них – град на холме, защищающий старый добрый мир. Заметим, здесь наши роли с США поменялись: раньше это Америка защищала «традиционные ценности» перед лицом русских атеистов-коммунистов. Теперь США – это как бы СССР 2.0 в плане социальных экспериментов, а мы на страже старого мира.

Флаг ЛГБТ-сообщества на здании посольства Великобритании в Москве. Илья Питалев / РИА Новости

– Почему РПЦ вдруг взяла на вооружение «семейную» риторику?

– Повестка культурных войн пришла в Россию, а вместе с ней пришла и идеология традиционных семейных ценностей. Речь идёт не о вопросе о значимости семьи как таковой – понятно, что эта значимость подчёркивалась всегда. Речь идёт о целой идеологической паутине, обрамляющей этот вопрос: как артикулируются угрозы, какие предлагаются объяснения опасностей и что, соответственно, необходимо с этим делать. Относитесь к этому как угодно, но это факт: РПЦ в 1990-е годы и далее многое заимствовала из опыта взаимодействия с западными миссионерами, озабоченными теми же проблемами: разрушением традиционной

семьи, бездетностью, новыми гендерными ролями. У западных консерваторов накоплен колоссальный многодесятилетний опыт участия в конфликтах по этим вопросам, и они более чем рады им поделиться.

Говоря про 1990-е, любят упоминать про то, что американцы несли нам ценности рыночного капитализма. Но идеалы рыночного капитализма – это в американском контексте именно консервативные ценности, которые идут в пакете с традиционными семейными христианскими ценностями. Поэтому вместе с рыночным капитализмом шло проникновение и традиционных семейных ценностей – в изводе американской повестки культурных войн (борьба с абортами/про-лайф, против ЛГБТ и гендерной идеологии, конверсионная терапия, семейное образование и т.д.). Можно вспомнить, например, Focus on the Family и очень известного в США доктора Джеймса Добсона. Многие вещи с тех пор были взяты на вооружение и вошли в отечественный консервативный канон. И это заимствование активно продолжается и сегодня (не только у американцев, естественно).

Кроме того, можно отметить, что всё это ещё и подпитывается демографической тревогой: проблема «вымирания народа» и так далее.

– Есть объективные причины, делающие консервативный дискурс таким востребованным?

– Мы находимся внутри поистине драматического процесса. Задумайтесь: на наших глазах меняются те принципы, которые определяли человеческую культуру на протяжении тысяч лет, которые лежат в основании многих религиозных традиций. Например, принцип патриархальности, принцип господства (белых) гетеросексуальных мужчин. На всю полноту прав претендуют те, чьё существование ранее, по сути, отрицалось и кто всегда подвергался

той или иной стигматизации – я имею в виду разные меньшинства. Естественно, это рождает сильное противодействие. Многие люди реально в панике: они похожи на персонажа советского фильма «Беспредел» – блатного зека, который в момент восстания заключённых бегал по улице с криками «Петухи взбунтовались!».

Культура – это прежде всего система различий: мужчина–женщина, верх–низ, светлое–тёмное и так далее. Когда эти оппозиции начинают пересматриваться, в коллективном воображаемом начинают маячить образы подступающего хаоса, а это благодатная почва для страхов, конспирологии, моральных паник и т.д. Поэтому реакция – это не что-то выдуманное, не специальный конструкт «верхов» для оболванивания «низов», она указывает на глубинные тревоги (пост-)современного общества.

– Тот ответ, который даётся консерваторами, включая идеологов «традиционных семейных ценностей», – единственный из возможных? Я имею в виду – с точки зрения православной традиции?

– Вы задаёте ровно тот вопрос, ответом на который должны заниматься теологи. Проблема в том, что православная традиция все последние годы втягивалась в эти культурные войны, происходила её колонизация идеологическим дискурсом, истоки которого, повторяюсь, находятся далеко за пределами отечественного православия. Теологическая рефлексия подменяется идеологическими клише, штампами культурной войны. Происходит интеллектуальное выхолащивание, примитивизация аргументов через нагнетание градуса противостояния. Я не оптимист в этом вопросе: в России теология развивается очень слабо, для её развития необходима питательная интеллектуальная среда, пространство академических свобод и т.д. Ничего этого нет. Если какой-то теологический поиск выхода из этой спирали культурных

войн и идёт, то происходит он не на русском языке и вдалеке от наших границ.